

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ И. С. КОНОМ

Вопрос: Социология в Советском Союзе в 1950-1960-е года возникала практически заново. Некоторые важные линии ее развития складывались в Ленинграде, там начинали свой профессиональный путь многие известные сегодня российские социологи. Я обращаюсь к Вам как к непосредственному участнику формирования социологии в России: некоторые факты Вашей научной деятельности, возможно, известны, тем не менее, полная картина была бы интересной нашим читателям.

Ответ: Я уже неоднократно рассказывал о своей научной биографии в разных предисловиях, интервью, поэтому не хотел бы возвращаться к этому вновь. Сейчас тружусь в Институте этнологии и антропологии РАН. В спектре моих интересов были и есть философия и методология истории, история социологии, социология личности, антропология детства и юности, междисциплинарные исследования пола и сексуальности. В числе наиболее значимых научных результатов я могу назвать такие работы, как: «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959), «Позитивизм в социологии» (1964), «Социология личности» (1967), «В поисках себя» (1984), «Дружба» (3-е изд. 1989), «Психология ранней юности» (4-е изд. 1989), «Введение в сексологию» (1988), «Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива» (1988); «Сексуальная культура в России: клубничка на березке» (1997), «Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви» (1998), «Социологическая психология: Избранные сочинения» (1999, серия «Психологи отечества»).

Названные труды наиболее наглядно показывают эволюцию моих научных устремлений и служат вехами моих творческих достижений.

Вопрос: Что влияло на Ваш выбор и Ваши приоритеты в области социологии, общественных наук в целом?

Ответ: Свою профессиональную автобиографию я подробно изложил в статье «О себе и своей работе» в книге «Социологическая психология: Избранные сочинения» (1999). Чтобы не повторяться, мне придется себя ограничивать.

Поскольку я с детства интересовался историей, выбор профессии не представлял для меня проблемы. Но на студенческой скамье, занимаясь историей общественной мысли (моя кандидатская диссертация по новой истории, подготовленная практически еще в студенческие годы, посвящена общественно-политическим взглядам Мильтона, а вторая, по философии, — этике Чернышевского), я заинтересовался также философией. В докторской диссертации (1959) по истории философии истории XX в. я в какой-то степени соединил эти свои интересы.

Кон Игорь Семенович (р. 1928) — Институт этнологии и антропологии РАН; доктор философских наук, профессор, академик РАН.

Адрес: 117333. Москва, ул. Вавилова 48, кв. 372.

Тел.: (095) 137-55-76. E-mail: igor.kon@iname.com

Однако «чистая» философия казалась мне слишком абстрактной, хотелось чего-то более конкретного и осязаемого. Такой областью стала социология, но не эмпирическая, а историческая. Этим своим интересам я никогда не изменял. Менялись конкретные темы и места работы, но чем бы я ни занимался — будь то личность, дружба, детство, юношество или сексуальность — это всегда изучение того, как меняются человеческие чувства и отношения в зависимости от социально-исторических условий и как человеческие индивиды, в свою очередь, изменяют социум.

Что касается дисциплинарных границ, то они мне всегда были более или менее безразличны. Разумеется, вторгаясь в новую дисциплину, я обязательно усваивал ее язык, базу фактов и правила игры, но я искал в ней ответа на свои собственные вопросы. Там, где полная стыковка не получалась и не могла получиться — один и тот же феномен с точки зрения социума и с точки зрения индивида выглядит по-разному (например, в «Дружбе» и «В поисках себя») — я половину книги делал в социологическом, а половину — в психологическом ключе. Слово «эkleктика» я не считаю бранным. Монистический взгляд уместен только в философии, да и то лишь в философии XIX в.

Вопрос: Интересно, как складывались Ваши отношения с коллегами по философскому факультету, где Вы преподавали. Вероятно, в этот период появились самые интересные Ваши работы по социологии, и вдруг — дистанцирование от науки, за развитие которой Вы так ратовали?

Ответ: Философский факультет ЛГУ был важным этапом моей жизни. Я пришел туда в 1956 г. уже сложившимся известным ученым, с готовой докторской диссертацией. При нормальных условиях я никогда не ушел бы из университета, потому что любил преподавание и студентов. Некоторые мои книги — «Социология личности», «Дружба», «Введение в сексологию» выросли из лекционных курсов. С учениками у меня почти всегда были теплые личные отношения. Некоторые из них (Дмитрий Шалин, Игорь Голосенко) приходили ко мне еще на младших курсах, до того, как они попадали на мой курс истмата. Если бы я не ушел из ЛГУ, то мог бы создать собственную школу. Не довольствуясь идеологизированным философским факультетом, я с увлечением читал курсы у историков, математиков и физиков. Курс социологии личности был впервые прочитан именно на физфаке, где ребята были более любознательными и раскованными, чем студенты-философы.

Но отношения с коллегами по философскому факультету были напряженными. Наряду с блестящими учеными и порядочными людьми, с которыми у меня были прекрасные отношения (В.А. Шюфф, Л.О. Резников, М.С. Каган, В.Г. Иванов, Н.В. Рыбакова, Л.И. Новожилова и др.) на факультете существовала мощная камарилья догматиков и интриганов, которые ненавидели меня еще до того, как увидели. Первый раз я подал на конкурс, по личному приглашению декана В.П. Тугаринова, в 1955 г., но меня провалили большинством 10:1. На Ученом совете ЛГУ это вызвало шок. В мою защиту выступили незнакомые мне ректор А.Д. Александров и известный матлогик А.А. Марков. Чтобы оправдать беспринципное голосование совета факультета, декан вынужден был озвучить вздорные сплетни на мой счет. Когда партбюро Химико-фармацевтического института, где я тогда работал, потребовало у парткома ЛГУ разобраться в этом деле, все сплетни рассыпались. Передо мной извинились и предложили подать

на конкурс в следующем году. Я не хотел этого делать, но в ЦК мне сказали, что интересы дела важнее личного самолюбия. В 1956 г. на факультете меня снова провалили, но на сей раз Тугаринов отмежевался от своего совета, и «большой» совет меня избрал. Однако враждебное отношение оставалось. Мне ставили палки в колеса, как только могли. Хотя я был всего лишь шестым доктором философских наук в Ленинграде и читал на факультете основной курс, профессорское звание я получил только после того, как подал заявление об уходе и в дело вмешался секретарь горкома партии Ю.А. Лавриков (один из немногих приличных людей на этой должности), который не хотел ослаблять ЛГУ.

В конце 1960-х годов идеологическая обстановка в стране и особенно в Ленинграде стала быстро ухудшаться, факультет серел на глазах. Не желая тратить время и силы на внутренние баталии, я ушел в Академию наук, где были в то время сосредоточены лучшие социологические кадры. Это было правильное решение. Чуть позже моему примеру последовал В.А. Ядов, а затем были вынуждены уйти и некоторые другие ведущие профессора. Обстановка на философском факультете изменилась к лучшему лишь много лет спустя, когда произошла смена поколений.

Вопрос: Какой была Ваша позиция в отношении преподавания социальных наук, академической институционализации социологии в стране, поддержки тех или иных направлений исследований? Каково Ваше восприятие пути развития социологии у нас в стране, в тогдашнем Ленинграде, и сейчас, когда Вы являетесь «свободным художником в науке»?

Ответ: Я понимал, что самостоятельная теоретическая социология в СССР невозможна, но не без успеха превращал курс истмата в курс общей социологии. Споры о предмете и границах наук я никогда не принимал всерьез. В своей единственной статье на эту тему (1962) я показал, что предмет социологии изменялся в ходе истории и никогда не был однозначным. Кстати сказать, большинство классиков науки были «пограничниками» и не старались от кого-то отмежеваться. Чтобы отбиваться от «научных коммунистов», любые аргументы годились, но я этих дискуссий даже не читал.

«Свободным художником в науке» я себя не чувствую. Хотя за символическую зарплату требуют такую же символическую работу, я предпочел бы быть востребованным.

Вопрос: Было ли увлечение социологией поколенческим явлением или в ее становлении участвовали представители всех поколений? Насколько демократичными, по-вашему, были правила игры в социальных науках в СССР и нынешней России? Что позволялось, отвергалось и поощрялось в социологии и в общественных науках в целом?

Ответ: В 1960-х годах социологией увлекалась преимущественно молодежь и ждала от нее абсолютно несбыточных вещей. Уже в 1970-х годах наступило отрезвление. Лично у меня таких иллюзий не было. Фильмы, рассказывавшие о том, как на завод приходит социолог и все сразу начинает работать по-новому, я сравнивал с идеей, что если на телеге установить ракету, то она помчится с космической скоростью. Когда я первый раз собрал на квартире у Ядова свой новый сектор (фактически это была ядовская лаборатория), я им открыто сказал: «Ребята, социологии в СССР нет и не будет. Но если поднатужиться, мы можем сделать неплохую социальную психологию».

Психологизация советской социологии была вынужденной, всерьез заниматься социальной структурой и отношениями власти было невозможно. Это делали либо наивные люди, либо будущие революционеры, которые еще не осознали своего истинного призвания.

Относительную интеллектуальную свободу лично мне давала междисциплинарность. Главным понятием моей кухонной науковедческой теории был *кретинизм*. Самый высокий уровень кретинизма был в истории КПСС, затем шли научный коммунизм, политэкономия и, наконец, философия. Но гораздо важнее были качественные различия. Скажем, в философии понятие структурных методов было уже вполне престижным, а у историков они все еще считались «буржуазными». Когда в конце 1960-х я стал заниматься проблемами студенчества, я заранее (на основе личного опыта) рассчитывал, что в какой журнал можно и чего нельзя давать. В «Вопросах философии» теоретические рассуждения о студенчестве как социальной группе пройдут беспрепятственно, зато сведения, что средний американец учится дольше своего советского ровесника, вызовут скандал – «этого не может быть, потому что не может быть никогда, автор идет на поводу у буржуазной пропаганды». В журнале «США. Экономика. Политика. Идеология» эти цифры не только не вызовут нареканий, но кое-кто из членов редколлегии еще подскажет, что они устарели, разница стала больше. Зато там никто не поймет, что такое «маргинальная группа» (или, еще хуже, увяжут это понятие с «марджинальной теорией стоимости»).

Спорить о словах и «бороться за или против» я не любил, следуя совету Ильфа и Петрова: вместо «борьбы за чистоту» нужно просто подмести пол! Это не просто разные слова, а разные ментальности.

В современном российском обществоведении не стало идеологического контроля, но нет и строгих интеллектуальных критериев. Вседозволенность приятна, но плохо совместима с профессионализмом. Но все равно это лучше, чем было «до».

Вопрос: Кто были Ваши кумиры и учителя? Что, на Ваш взгляд, утрачено безвозвратно, и что необходимо вернуть и сохранить?

Ответ: В профессиональном плане я самоучка, ни учителей, ни кумиров у меня не было, учился я в основном по иностранным книгам. То же делаю и ныне. Это не исключает того, что я многое почерпнул у своих институтских преподавателей (преимущественно из неформальных разговоров в коридоре), таких, как зав. кафедрой философии Герценовского института Сергей Сергеевич Киселев, и у старших друзей, известных историков Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских. Большое влияние на меня оказали книги М.М. Бахтина, книги Лидии Яковлевны Гинзбург и личное знакомство с ней. Вообще, интеллектуально и нравственно я обязан очень многим людям самых разных профессий.

«Возвращать» что-либо из прошлого мне не хочется. Конечно, приятно, когда за удачную книжку и полдюжины статей вся страна годами готова смотреть тебе в рот. Но ведь это противоестественно.

Вопрос: Видели ли Вы официальное признание результатов своих исследований? В чем оно выражалось? Что было более привлекательным: преподавание социологии и общественных наук в вузе или чисто научные изыскания?

Ответ: Официального признания, в смысле чинов и орденов, у меня никогда не было, я всегда и везде был человеком со стороны, и начальство смотрело на меня с опаской. Зато общественное признание и популярность были огромными, значительно превосходя мои реальные заслуги. Мои книги не только покупали, но и читали. Сегодня мне этого очень недостает. Как и преподавательской работы. Я думаю, что в гуманитарных науках исследования и преподавание обязательно должны сочетаться.

Вопрос: Ваша жизнь была связана с Ленинградом, где Вы сделали первые шаги в своей научной карьере. Почему Вы все-таки предпочли Москву и покинули невские берега? Не было ли у Вас мысли воплотить свои научные идеи и замыслы именно в столице?

Ответ: Я коренной потомственный ленинградец и никогда не хотел переезжать в Москву. После ухода из ЛГУ в 1968 г. я четыре года заведовал в ИКИ ленинградским сектором. Но после воцарения М.Н. Руткевича работать там стало невозможно, и в 1972 г., несмотря на яростное сопротивление Руткевича и Отдела науки ЦК, я перешел на кафедру философии Института общественных наук при ЦК КПСС, которой заведовал мой покойный друг Ю.А. Замошкин. Вопреки опасениям, мне было там хорошо и спокойно, но ленинградские корни и связи перевесили, в 1974 г. я вернулся в Ленинград и работал в секторах Института философии. Однако в 1975 г. на их основе стал создаваться ИСЭП. Поначалу казалось, что атмосфера там будет нормальной, директором был назначен вполне приличный человек Г.Н. Черкасов, мои близкие друзья Ядов и Фирсов просили меня не покидать нашу «могучую кучку». Но я точно знал, что исходить надо не из личных отношений, а из особенностей социальной системы. Если уж в Москве, где система была однопартийная, но многоподъездная, социологию развалили, то под властью ленинградского обкома хорошего ждать нечего. Я решил, что на мою жизнь хватит одного Руткевича, и перешел в Институт этнографии, куда меня давно уже звали (как, впрочем, и во многие другие гуманитарные институты).

Чтобы не делать резких телодвижений и не обижать Черкасова, я даже нашел благовидное объяснение и сказал Черкасову, что у меня нет наработок в изучении советского образа жизни, но вот если бы создали сектор образа смерти... Проблемы социологии смерти меня действительно интересовали, но утвердить такую мрачную тему никто бы не посмел. Да и сам по себе «советский образ смерти» был предельно разоблачительным и антисоветским. Так что меня без скандала отпустили.

К сожалению, мой прогноз оказался правильным, моим друзьям в ИСЭПе не поздоровилось. А я проработал в ленинградской части Института этнографии десять довольно счастливых и плодотворных лет. В Москву я переехал только в 1985 г., спасаясь от ненавистного ленинградского обкома, который блокировал мои заграничные поездки и вообще отравлял жизнь. Эта история подробно рассказана в моей автобиографической статье, поэтому не стоит ее повторять. Возможно, следовало уехать не в Москву, а в Калифорнию, но этого я почему-то не сделал.

Вопрос: Если вы пытались способствовать развитию духа научного поиска во второй половине 1980-х годов, во времена перестройки, то что удалось и что не удалось осуществить?

Ответ: Как и все мои друзья и коллеги, я был рад открывшимся новым возможностям и пытался их использовать. Но вместо того, чтобы «перестраиваться», я продолжал ранее начатую работу по этнографии детства и теории сексуальности, дополнив ее некоторыми новыми социально-политическими сюжетами, воплотившимися в ряде статей. Кроме того, я пытался организовать публикацию нескольких тематических сборников переводных работ междисциплинарного характера по основным проблемам человековедения. На реализацию этого замысла ушло несколько лет жизни, но ничего не получилось. Сначала было трудно преодолеть консервативную инерцию издателей, потом — получить копирайты, потом в стране не стало денег и всем все стало до лампочки. В конце концов, я понял, что моя работа никому не нужна и можно рассчитывать только на собственные силы.

Вопрос: Для специалиста в сфере социальных наук важна методологическая позиция и пристрастия. Каково Ваше отношение к современным социологическим теориям и подходам?

Ответ: Поскольку я не преподаю, то читаю литературу не «дисциплинарно», а тематически, в зависимости от своих научных интересов. В последние годы это в основном то, что связано с полом и сексуальностью. Общие социологические теории в круг моего чтения не входят. Однако я сохраняю привязанность к символическому интеракционизму.

Вопрос: Насколько влияли на характер и интенсивность вашей деятельности в университете политические и идеологические требования со стороны партийно-государственных органов?

Ответ: Иногда. Например, мой интерес к социологии молодежи был прямо связан с социальным заказом. Но делал я все по-своему и ни в какие идеологические обоймы не входил. Отчасти потому, что не люблю аппаратных игр, а отчасти потому, что со мной жульничали. Мои коллеги, сотрудничавшие с ЦК ВЛКСМ, получали за это заграничные командировки и тому подобное, а меня использовали «за так». Ждать лояльности от человека, которого дискриминируют, нелепо.

Вопрос: Во всяком случае, предыдущий вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Можете ли вы назвать наиболее значимые, с вашей точки зрения, собственные научные и педагогические достижения, которые являются этапными в вашем творчестве? Что, по вашему мнению, более всего стимулировало вашу активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: Университетский курс по социологии личности (1964 и 1966) и одноименная книга (1967); серия статей в «Новом мире» (1966-1970); учебное пособие по психологии юношеского возраста (1979-1989); создание, всем чертям на зло, социологии сексуальности и междисциплинарной сексологии, начиная с книги «Введение в сексологию» (1988) и кончая учебным пособием для вузов под тем же названием (1999); книги «Сексуальная культура в России» (1997) и «Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви» (1998). Для меня всегда имели значение только два мотива — познавательный интерес и сознание того, что моя работа нужна людям, даже если они сами этого не сознают.

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о теперешних Ваших намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в вашем багаже?

Ответ: В настоящее время пишу книгу «Введение в социальную андрологию: Меняющийся мужчина в изменяющемся мире». В отличие от феминистских и постмодернистских концепций, я опираюсь прежде всего на социологические данные, касающиеся макросоциальных изменений. Все остальное кажется мне производным.

Вопрос: Какие перспективы и трудности, по вашему мнению, ожидают наше общество в ближайшем будущем? Имеете ли смелость прогнозировать будущее России в XXI столетии? Каков Ваш диагноз нашего времени?

Ответ: По складу характера я скептик и пессимист. С возрастом эти качества усиливаются. Но как профессиональный историк я недоверчиво отношусь к апокалипсическим настроениям. Россия всегда была трудной страной, склонной к крайностям. Нынешний бандитский капитализм вызывает у меня глубокое отвращение. Но российские проблемы — часть глобальных проблем.

Если, как я надеюсь, страна избежит коммунофашизма и выйдет из плена имперской идеологии, то в долгосрочной перспективе общественное сознание россиян будет развиваться в борьбе двух традиционных для России ценностных систем — социал-демократической (либеральный вариант) и социал-христианской (консервативный вариант). Ни радикальный либерализм, ни православный фундаментализм у нас не привьются, а национал-большевизм останется, как ему и положено, идеологией люмпенов. Если же имперские и антизападные настроения возобладают, Россия станет легкой добычей экспансии с Востока. В этом случае судьбы европейской цивилизации также проблематичны.

Интервью провел В.В. Козловский